

— Сейчас, подожди минутку, — гнусавым голосом пробормотала девушка, прижимая к лицу носовой платок, и припустила в дальний конец холла, за пальму.

Оператор только покачал головой.

Им поручили снять материал о важном экономическом форуме, проходившем в недавно открытой фешенебельной гостинице в центре Петербурга. На этот форум прибыли крупные предприниматели из европейских стран и из-за океана, но наибольший интерес вызвало появление одного из самых заметных деятелей российской экономики, человека, пережившего несколько правительств и сумевшего устоять на ногах, несмотря на жестокие политические ураганы.

Такое задание интересно каждому журналисту, оно может стать поворотным моментом в карьере. Особенно если удастся получить интервью у высокопоставленного гостя форума.

Они расположились в просторном, сверкающем огнями холле неподалеку от огромного

бассейна с фонтаном, чтобы перехватить знаменитого политика по пути к конференц-залу. Как охотники, подстерегающие дичь на тропе к водопою.

По краю бассейна были выставлены кадки с комнатными растениями. Были тут пальмы, фикусы всех видов, олеандры и цитрусовые деревья. Особую гордость садовника составляла цветущая юкка. Юкка хорошо растет в помещении, но очень редко цветет. Но здесь, в холле, под сильным светом растение вдруг выпустило стембель толщиной с руку ребенка, усыпанный крупными колокольцами цвета топлёных сливок. Все вместе напоминало огромное соцветие ландыша выше человеческого роста.

Посетители отеля любовались диковинным цветком, но именно в этот момент у девушки-репортера начался сильный аллергический насморк. В таком виде нечего было и думать об интервью с выдающимся человеком.

К счастью, она захватила с собой флакон с лекарством, хоть и не знала заранее о проклятой юкке. И теперь, спрятавшись в укромном уголке, бедняга закапывала в нос чудодейственный состав.

Запрокинув голову, девушка невольно взглянула в одно из бесчисленных зеркал, украшавших стены холла.

И увидела в этом зеркале что-то очень странное.

Один из официантов, обслуживающих форум, закатил в укромный уголок сервировочный столик, накрытый белой накрахмаленной скатертью. В этом, собственно, не было ничего странного. В конце концов, сама журналистка точно так же скрылась от людских глаз, чтобы воспользоваться своим лекарством. Может быть, у официанта тоже возникли какие-то проблемы со здоровьем. Или он хотел устранить не порядок в сервировке.

Однако в самом лице официанта, в его повадках чувствовалось что-то неправильное, что-то слишком подозрительное. Он был несколько староват для своей профессии — около пятидесяти, с длинными седеющими волосами, но при этом худощав, подтянут и собран. Весь его облик невольно напоминал хищного зверя, опасного и беспощадного. Зверя, готовящегося к смертоносному прыжку.

Странный официант настороженно огляделся по сторонам.

Журналистку он не замечал, их разделяла пальма, и девушка видела его только благодаря сложной игре отражений.

«Это мои фантазии, — подумала она, поспешно убирая в сумочку флакончик с лекарством. — Насмотрелась американских боевиков и теперь выдумываю неизвестно что. Нужно ско-

рее возвращаться на место, а то не видать мне интервью как своих ушей».

Она бросила последний взгляд на отражение подозрительного официанта. И снова мелькнуло какое-то нехорошее предчувствие.

Официант откинул край скатерти, и девушка увидела предмет, совершенно не похожий на блюдо с деликатесами, сервировочную вазу или столовый прибор. Это было какое-то непонятное и подозрительное устройство.

«Бомба? — подумала девушка, до боли сжав кулаки. — Неужели это бомба?»

Она моргнула, и загадочный официант исчез.

В зеркале отражался только краешек бассейна и покачивающаяся над ним ненавистная юбка.

«Наверное, мне все это померещилось, — попыталась успокоить себя девушка. — Здесь приняты очень строгие меры безопасности. В конце концов, это совершенно не моя забота. Этим должны заниматься профессионалы, а если я сунусь к ним со своими подозрениями, меня только поднимут на смех».

Она встряхнула головой и бросилась на свое рабочее место.

— Где ты пропадаешь? — зашипел на нее оператор. — Гости форума уже пошли!

Он медленно вел вдоль ряда посетителей объективом телекамеры, выхватывая известные всей

стране лица. Девушка откашлялась, включила микрофон и начала сопроводительный текст. К счастью, лекарство подействовало, и голос стал вполне нормальным. Она увлеклась привычной работой и через несколько минут забыла о своих опасениях.

Один за другим через холл проходили политики и финансисты. Вдруг шум в зале усилился, журналисты и телевизионщики засуетились, пробираясь ближе к центру событий: в зале появился крупный мрачноватый мужчина с маленькими пронзительными глазками, как будто каждого видящими насквозь. Он шел медленно, тяжело ступая, словно тащил на себе непомерный груз — груз своих обязанностей и еще более тяжкий груз всенародной нелюбви, сопровождавшей его многие десятилетия.

Путь политика пролегал очень близко от места, предусмотрительно занятого журналисткой, и она приготовилась атаковать его в надежде получить интервью.

И тут краем глаза она увидела сервировочный столик. Тот самый столик на колесиках, с которым возился подозрительный официант.

Столик, аккуратно накрытый крахмальной скатертью, стоял в двух шагах от фонтана, и знаменитый политик медленно, но неуклонно приближался к нему.

Девушка бросилась вперед — то ли для того, чтобы предупредить охрану политика об опасности, то ли чтобы все же получить запланированное интервью. Ее схватил за руку один из охранников, попытался отодвинуть в сторону. Он что-то говорил, но девушка не слышала ни слова от волнения или от окружающего шума. Ей казалось, что кто-то просто выключил звук, и плечистый парень открывает рот, как рыба.

— Стол! — выкрикнула она. — Там бомба!

— Что? — переспросил он и прошипел, приблизив рот к ее уху: — Не лезь не в свое дело!

Однако что-то в ее лице все же насторожило охранника, он повернул голову...

В это время сам политик, видимо, кожей почувствовавший опасность, остановился, еще больше помрачнел, попятился и пошел в другую сторону, по широкой дуге обходя бассейн вместе со стоявшим возле него столиком.

И тут прогремел взрыв.

Над сервировочным столиком вспух огромный огненный шар, поверхность которого лопнула, как перезревший плод, рассыпая вокруг огненные брызги.

Время замедлилось, как это бывает в страшном сне, и на какое-то время наступила глухая чудовищная тишина.

Охранник, все еще теснящий журналистку, резко толкнул ее на пол и бросился к своему па-

трону. Но его опередил коллега — тот в прыжке попытался свалить политика с ног, чтобы того не задело осколками. Однако знаменитый человек стоял прочно, как скала, и только мрачно оглядывался по сторонам. Охранник обхватил его, прикрывая своим телом, и глухо закричал. По его спине протянулась широкая кровавая полоса, как будто огромный кнут рассек его кожу.

Журналистка поднялась на колени, пытаясь разглядеть и запомнить все происходящее.

Только теперь на нее обрушился гомон сотен голосов, крики раненых, голоса журналистов, спешащих первыми передать в эфир сообщения о произошедшей трагедии. Политик все еще мрачно оглядывался. Судя по всему, он не пострадал, но вот охранник, прикрывший его своим телом, лежал на полу, то и дело судорожно вздрагивая. С другого конца холла к нему бежали люди с носилками.

— Давай сюда, — окликнул журналистку оператор. — Я все снимал! Материал будет — первый класс!

Глаза оператора горели, он испытывал тот удивительный подъем, какой бывает у журналиста, оказавшегося свидетелем настоящего события, подлинной сенсации.

Но девушку словно сковал паралич. Она с трудом заставила себя подняться на ноги и медленно доковыляла до возбужденного оператора.

Рядом с ней сотрудник конкурирующего телеканала уже торопливо вещал в микрофон:

— Только что буквально на наших глазах произошло покушение на известного всей стране политика. В холле новой петербургской гостиницы, где проходит экономический форум, была взорвана бомба. Это уже третье покушение на одного и того же человека. К счастью, охрана вновь была на высоте, и покушение не увенчалось успехом. Никто, конечно, не видел самого исполнителя...

«Кое-кто видел, — подумала журналистка. — Кое-кто видел!»

И она почувствовала, как мерзкий, липкий страх наполнил все тело до кончиков пальцев.

* * *

— И что? — с тревогой спросила Ирина, понимая в душе, что ничего хорошего ей не скажут. Так и оказалось.

— Воля твоя, — с отчаянием крикнула дочь. — Но все это никуда не годится!

— Но что же делать, — вздохнула Ирина. — Придется идти в чем есть.

Наташка глазами выразила все, что она думает о своей легкомысленной и безответственной матери, и вышла из комнаты, хлопнув дверью. Ирина снова тяжело вздохнула и оглядела разо-

ренное помещение. По всей комнате валялись одежда, белье и предметы туалета. На разложенном диване лежали два платья, еще одно, синее, было на Ирине.

«Наташка права, — с тоской подумала Ирина, — это синее еще хуже, чем те. А я так на него рассчитывала...»

Ирине ужасно нравилась ее работа — писать детективы. Собственно, работой это трудно было назвать. Как известно, то, что приносит удовольствие, это уже не работа. Нельзя сказать, что все в ее деятельности было безоблачным — бывали дни, когда Ирина называла себя бестолочью, бездарностью, чувствуя, что не может написать ни строчки. Однако когда очередной роман бывал закончен, ее охватывало чувство необычайного удовлетворения. А уж когда она видела, что на лотках и в магазинах появилась новая книжка, радости не было предела.

«Неужели это я, скромная домохозяйка, неудачница, как считали некоторые, смогла написать двенадцать романов, которые расходятся весьма приличным тиражом? Неужели это мои книжки читают люди, проглатывают залпом, передают друг другу и жадно спрашивают продавцов: «А Снегиревой нет? Ах, эта книжка, я уже ее читала. А когда новая выйдет?»

Слов нет, работа приносила Ирине много радости. Были в ней и другие плюсы. Не нужно

каждое утро вставать рано, с трудом продирая глаза, с тоской одеваться и ползти на службу, трясясь в переполненном вагоне метро и рассматривая заспанные лица таких же, как она, горемык. Не нужно интриговать и прогибаться перед начальством, добиваясь очередного повышения зарплаты. Не нужно портить желудок бутербродами или сомнительными блюдами из ближайшего бистро. Не нужно тратить каждое утро уйму времени на макияж и выбор одежды.

Но была во всем этом и изнанка. Ирина мало куда выходила, за что ее очень осуждали подруги и дочка. Что делать, если писательский труд требует уединения и тишины?

Есть такая пословица: «Было нечего надеть — стало некуда носить». Раз некуда, то не надо и покупать лишнюю одежду, только шкафы загромождать.

Неприятности подступили как всегда, когда их меньше всего ждешь.

Издательство, где уже несколько лет работала Ирина, справляло юбилей — десять лет существования. По такому случаю устраивали торжественный банкет в самом шикарном ресторане города. Ирине прислали приглашение заранее. Она наскоро перебрала свой гардероб и осталась довольна: имелось три более или менее приличных платья, в которых можно было пойти в ресторан. Наташка была совершенно права в сво-

ем ворчании, потому что Ирина легкомысленно оставила вопрос выбора платья на последний день. И пожалуйста, сегодня уже банкет, а идти совершенно не в чем: маленькое черное платье «Шанель» выглядит далеко не новым, на подоле темно-бордового с бретельками обнаружилось несмываемое пятно, а синее, относительно новое, на которое Ирина возлагала основные надежды, слишком свободно в груди и вообще плохо сидит.

Под диваном послышалась возня, и на свет выполз симпатичный рыженький кокер Яша. Он грустно поглядел на хозяйку и бочком направился к двери. Кажется, он тоже не одобрял Ирениного легкомыслия.

Ирина снова вздохнула и прислушалась. Наташка разговаривала по телефону.

— Это тетя Жанна звонила, — злорадно сообщила она, заглядывая в дверь, — я ей рассказала о наших проблемах, она будет минут через сорок.

— Зачем? — простонала Ирина. — Только Жанки мне сейчас не хватало!

Жанна Ташьян, близкая подруга, была деловой, успешной и обеспеченной женщиной. Вот уж у кого в гардеробе имелись туалеты на все случаи жизни. Жанна была помешана на модной одежде и не скупилась, тратя деньги на себя любимую. Еще Жанна обожала новые машины и водила отлично, так что можно не сомневать-